

ИНТЕГРАТИВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ КАК ВЕРОЯТНОЕ ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ В КОМПЛЕКСЕ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ ДЛЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ФОРМЫ И ДУХА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В РОССИИ И В НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Научно-редакционный совет журнала «Вестник Томского государственного университета» решил открыть новую рубрику, посвященную социопсихологическим и биомедицинским проблемам современного образования в университетской системе. При этом первичная идея редакции может быть сформулирована как стремление к расширению междисциплинарного рассмотрения университетской социокультурной среды; жизненных и педагогических процессов, происходящих в ней; физического, психического здоровья ее представителей, уровня их социального функционирования, взаимодействия и качества жизни.

Очевидно, учитывая, что такая рубрика по своему замыслу с самого начала должна выйти за рамки монодисциплинарных, педагогических и гуманитарных наук для формирования междисциплинарного подхода, ответственный секретарь Вестника ТГУ В.З. Башкатов обратился к ректору Сибирского государственного медицинского университета члену-

кор. РАМН профессору В.В. Новицкому с просьбой рекомендовать того, кто бы откликнулся на данную идею.

В результате мне выпала честь открытия этой рубрики журнала, что дает возможность выразить глубокую признательность Вячеславу Викторовичу за рекомендацию и Виктору Захаровичу за приглашение к сотрудничеству. Здесь я также обязан упомянуть с непреходящей благодарностью то, что два года назад ректор Томского государственного университета профессор Г.В. Майер совершенно органично поддержал организацию в медицинском университете факультета клинической психологии и психотерапии, тем самым проявив типичный стиль горизонтального университетского общения классического типа. Не являясь сторонником лапласовского детерминизма, я все же в этом конкретном случае усматриваю вероятностную взаимосвязь случайности и необходимости, которая подчинена некоему историческому процессу реконструкции университетской системы образования в нашей стране в целом.

РАЗРУШЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Российская система образования в комплексе наук о человеке существенно отстает от стран Западной Европы и США. В развитых странах преобладает ориентация на интерактивность в преподавании, партнерские взаимоотношения, акценты на получение навыков от «осознанного» незнания до «рефлекторного» знания и специализацию с определенными и четкими правилами и стандартами помощи, которые базируются на сбалансированной системе знаний в поведенческих и гуманитарных науках. Эта задержка не связана с худшей или лучшей системой образования или интеллектуальным уровнем и вкладом преподавателей в отдельные специальности в России, что может быть предметом дискуссии частного характера. Вопрос заключает в себе другой смысл и имеет свои исторические корни. Принципиальное различие между университетским образованием в развитых странах и странах переходного периода постсоветского пространства заключается в нарушении эволюционных и социо-культурных принципов развития и взаимодействия университетских факультетов.

Медицинские факультеты в Российских университетах часто открывались первыми или одними из первых и были значимой частью университетского образования и науки. Если в Западных странах эта система развивалась эволюционно и стабильно, то в России после октябрьского переворота 1917 г. научно-нравственные силы либеральной интеллигенции, которые в своем ядре сосредоточивались в университетской системе наук, были частично высланы по указанию ленинского правительства, частично эмигрировали для спасения своей жизни. Однако большая часть преподавателей были уничтожены физически, психологически или нравственно в условиях формирования тоталитарного государства и сталинской тирании.

Кратко конкретизируя разгром университетской системы образования, отметим, что в 20-х гг. прошлого сто-

летия в связи с кадровым кризисом преподавательского состава были созданы институты «красной профессуры», выпускники которых в большей степени воспитывались в условиях политических догм и классовой непримиримости, свойственной коммунистической идеологии. Уже в 1929 г. началось открытое идеологическое давление на естественные науки; был организован новый журнал «Естествознание и марксизм». Цель этого журнала сводилась к классово-политической интерпретации научных проблем естествознания. Несколько позже, 15 марта 1931 г. ЦК ВКП (б) принял постановление о слиянии Коммунистической академии как научно-исследовательского института с институтом красной профессуры естествознания, который практически готовил кадры политического контроля в науке. Вся наука и образование все больше и больше подпадали под жестокий гнет идеологии. Под видом философских работ в естествознании в различные отрасли научных дисциплин все больше и больше проникали насильно внедряемые идеи классовой непримиримости и ненависти ко всему, что не согласовывалось с партийной линией тоталитарного государства [1].

Разрушение университетской системы образования происходило стремительно. 23 июля 1930 г. Центральный исполнительный комитет и Советский народный комиссариат для «улучшения» руководства высшими школами и приближения их к производственным организациям и предприятиям постановили реорганизовать высшую школу по отраслевому принципу. Технические учебные заведения передавались в ведение отраслевых хозяйственных объединений соответствующих наркоматов, медицину выделили из университетов. В этом же году Народный комиссариат просвещения прислал в университеты циркуляр «О введении единоначалия в высших учебных заведениях» [2], в котором была установка: «Немедленно перестроить органы вузов на основе единоначалия... Правления, деканаты, прези-

диумы, отделения и циклы упразднить. Обратить максимальное внимание на то, чтобы полностью осуществить положение: "Ректор не только должен быть администратором, но и организатором-общественником в самом широком понимании этого слова"». В связи с этим факультетская система была ликвидирована и заменена системой отделений. Новые институты создавались под руководством и с отбором кадров советскими и партийными органами. В ведении Народного коммунистического просвещения были оставлены университеты. В итоге идеология под видом философии стала контролировать естествознание, а в медицинских факультетах была разрушена университетская составляющая с единоначалием организатора-общественника ректора под идеологическим наблюдением советских и партийных органов. Гуманитарные специальности формировались под контролем жесткой цензуры и требованиями внедрения морали и нравственности тоталитарного режима.

В начале 1930-х гг. медицинские факультеты были насильственным способом выделены из университетской системы образования и приказами Сталинского правительства превращены в отдельные институты. Это сыграло драматическую роль в системе образования университетов и новых медицинских институтов. Университеты, лишившись медицинских факультетов, потеряли в гуманитарных и естественнонаучных дисциплинах важные составляющие приложения своих знаний к человеку. В медицине, в свою очередь, развивалась тенденция механистического подхода к человеку, поскольку она выпала из системы связей с гуманитарными и естественно-научными знаниями.

Политическое давление на образование и науку еще более усилилось к 1936 г., когда Коммунистическая академия вошла в состав Академии наук СССР. Комплекс психологических и социальных наук о человеке был практически подменен партийными лозунгами о формировании нового человека и западных угрозах существованию советского государства. 1930-40-е гг. характеризовались и репрессией идей, и репрессией научного сообщества. Самое страшное заключалось в том, что это

стало временем нравственной деформации личности, основанной на экзистенциальном страхе, который породил такие социально-психологические факторы, как «внеаучные аргументы», «скептическое отношение к учителям», соглашательство с позициями «сильных мира сего». Для того чтобы сохранить свою жизнь, жизнь своих близких, возможность заниматься научной работой, люди начали вести двойную жизнь с двоемыслием по Оруэллу [3]. К концу 1940-х гг. тучи на научном небосклоне резко стугулись. Уже в 1947 г. Сталин, вызвав к себе писателей К. Симонова, А. Фадеева и Б. Горбатова, заявил о недостаточно воспитанном в народе советском патриотизме, о неоправданном преклонении перед заграничной культурой нашей интеллигенции, в частности профессоров, врачей [1]. Состоялась триумфальная для Т. Лысенко августовская сессия ВАСХНИЛ в 1948 г., инициировавшая появление Г.М. Бошьяна и О.Б. Лепешинской, а позже, 11-15 октября 1951 г., - разгромное объединенное заседание расширенного Президиума АМН СССР и пленума Правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров, на котором произошло окончательное уничтожение отечественных классических школ психиатрии и психологии. Воинствующее большинство под негласным руководством «великого корифея и знаменосца передовой науки товарища Сталина» [4. С. 5] окончательно сомкнуло свои ряды и двинулось единым фронтом в биологию и медицину. Масштаб «критического подхода», санкционированного объединенной сессией АН СССР и АМН СССР, повергает в трепет. Идеологическим наступлением «фашистской буржуазии» были признаны «вейсманистско-морганистская генетика», психоанализ, психосоматика, эволюционно-биологическое направление, психометрия, социометрия и др. Лысенковская модель существования в науке работала как адская разрушающая машина, срубив остатки стволовых направлений медико-психологических и социально-психологических наук, разрушила преемственность взглядов, осуществляя свой «привой», который до сих пор еще окончательно не отторгнут ввиду отсутствия единого университетского поля образования.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОДОЛЖЕНИЕ СЕПАРАЦИИ ИЛИ ШАГИ К РЕКОНСТРУКЦИИ?

В этом отношении можно считать, что идеи крупнейшего российского ученого в области общей патологии проф. И.В. Давыдовского о методологических вопросах нормы и патологических состояний имеют большое значение в отношении понимания синтеза образования в биологии, медицине, психологии и социологии [5]. Напомним, что он критиковал фактический отрыв медицины от естествознания, обоснованно считая, что медицина выпала из плодоносящего «перекрестного опыления» университетских наук в связи с реорганизацией медицинских факультетов и созданием отдельной медицинской академии [6]. В результате этого был утерян стержень теоретических основ целостного видения человека в клинических дисциплинах с гуманистической этикой, которую давала университетская среда образования. Аналогичным образом можно провести параллели и с гуманитарной составляющей образования высших медицинских учебных учреждений. По своему объему она занимает

маргинальное положение как по количеству часов, так и в основном по представлению медицинского профессорско-преподавательского состава и студентов, готовящихся стать медиками. Справедливо в середине прошлого века отметил Ф. Александер: «Медицина, нувориш среди естественных наук, во многих отношениях приняла установку, типичную для нувориша, который желает забыть свое скромное происхождение и делается более нетерпимым и консервативным, чем истинный аристократ. Медицина становится нетерпимой ко всему, что напоминает ей духовное и мистическое прошлое, в то же время ее старшая сестра, физика, аристократка меж естественных наук, подвергалась гораздо более основательному пересмотру фундаментальных понятий, затрагивающему ядро науки - обоснованность понятия детерминизма» [7. С. 13]. К этому можно только добавить, что в наших условиях выделение медицинских факультетов из больших университетов и создание специальной отраслевой академии добави-

ли медицине амбициозности и догматизма, что не очень украшает эту действительно заслуженную дворянку первого поколения в естественных науках.

Но и большие университеты, потеряв медицинский факультет, лишились возможности проецирования естественных и гуманитарных наук на человека, его качества, свойства, здоровье, страдания и болезни. В качестве примера можно привести то, что медицинские факультеты, особенно психиатрические клиники, всегда были важным полем деятельности и питательной средой экспериментальной психологии, связанной с различными проявлениями психического функционирования (лаборатория экспериментальной психологии, созданная при клинике Казанского университета В.М. Бехтеревым в 1885 г.; лаборатория экспериментальной психологии, созданная в Москве С.С. Корсаковым и А.А. Токарским и с 1901 г. руководимая А.Н. Бернштейном) [8], некоторых направлений философии [9]. Что касается гуманитарных наук, составляющих по определению культурно-духовный рост специалиста и его нравственный стержень, то они были диффузно проникнуты догматической идеологией, внутренней и внешней цензурой, сформированной на базе фрустрации или утраты базовых человеческих потребностей в рамках физического и интеллектуального ГУЛАГа.

В итоге изоляция гуманитарных факультетов от проблем здоровья и болезней человека, отрыв от изучения его персонифицированных свойств и психологии личности привели, во-первых, к деиндивидуализации в системе педагогических, юридических, социологических наук, социальной работы. Психологическим дисциплинам для выживания в потоке социалистических штампов пришлось закрыться в сугубо академические интересы сравнительно небольшой элиты специалистов. Медицинская отрасль пришла к гипертрофии каузального принципа в патологии, выражающегося в теоретических клинко-этиологических предпочтениях по поводу одних и тех же соматических или психических и поведенческих расстройств. Во-вторых, произошла потеря целостных представлений о человеке в условиях здоровья и болезни, на место которых пришли дифференцированные по достаточно узким медицинским субдисциплинам частные знания об органах и системах жизнедеятельности организма, в лучшем случае, и лабораторно-инструментальных отражений отдельных че-

ловеческих функций - в худшем. Само знание различных деталей и тонкостей, бесспорно, имеет огромное значение, а лабораторный период в медицине - блестящий этап в истории ее развития. Но это знание приобретает качественно иную сущность и более правильную оценку, если встраивается в обобщенную, целостную картину, при которой имеется возможность изучения и сопоставления или соотношения частностей одного уровня системной организации человека с частностями или подсистемами другого уровня [10-12]. В-третьих, дифференцированная медицина стала медициной набора болезней тканей, органов, систем и их профилактик, а не медициной Человека. Как ни парадоксально, знания о конкретной патологии в системе координат современной теоретико-методологической платформы медицины приводят к рутинности и ригидности врачебного мышления, диагностическим шаблонам и симптоматическим фетишам. Столкновение с общепопуляционным ухудшением состояния физического и психического здоровья населения страны в условиях кризисных изменений социально-экономических и общественных отношений неожиданно порождает тотальную диагностику признаков различных болезней практически у всего населения. Тут же возникает и радикальный энвайроментализм («средовизм») в оценке причин, характера влияний внешних факторов и построения соответствующих научных направлений, именуемых экологическими в каждой отдельной медицинской дисциплине [13].

Большой акцент на биомедицинских аспектах последствий разрушения университетской системы образования сделан мной исходя из своей врачебной специальности, поскольку он был достаточно детально проработан и осмыслен. Однако в обобщенном виде то же самое можно было бы написать о морфологии, физиологии, психологии, педагогике, не говоря уже о генетике, кибернетике и других дисциплинах.

Представленный исторический срез и его оценка являются лишь напоминанием о трагических временах нашей науки, которые не в столь явной форме, но проявляются сегодня. С моей точки зрения, представить последствия дезинтеграции устойчивых образовательных систем необходимо для расширения панорамы видения созидательных действий для будущей реинтеграции университетской системы образования.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ И ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ СВЯЗИ - ОСНОВА ПРОРЫВОВ В НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ

Потребности к интеграции в социально-философских и биомедицинских дисциплинах, в том числе и с другими сопредельными науками, явно были обозначены в 60-70-х гг. XX в. Проблемы причинности в медицине, выдвинутые И.В. Давыдовским [5], концепция В.П. Эфроимсона о генетико-эволюционной «родословной» альтруизма [14], теория П.К. Анохина о функциональных системах [15], информационная теория П.В. Симонова [16] и др. уже в той или иной степени заложили основы междисциплинарного обсуждения проблем биологического и социального в человеке.

Очевидно, возникшая дискуссия диктовалась неудовлетворенностью в преобладающих в те годы представлениях о примате функции над структурой, физиологии

высшей нервной деятельности над мозговым субстратом, психики над сомой, сознания над бессознательным, коллективного над индивидуальным, среды над личностью, социального над природным, экологического над генетическим. Первоначально проявилась тенденция к обсуждению мультифакториальности неинфекционной патологии, а затем и к междисциплинарному синтезу в науках о человеке. Возникла серия дискуссий по проблемам соотношения биологического и социального с участием академических, университетских, научно-исследовательских, отраслевых и редакционно-издательских научных сообществ (Вильнюс, 1974; Пермь, 1975; Москва, 1970, 1975 и др.), в которой деятельное участие приняли ведущие представители

философских, педагогических, психологических, генетико-биологических и медицинских дисциплин, т.е. специалисты самого разного профиля. Опыт их творческого общения доказывал возможность новой интеграции знаний о психобиологии развития человека и его социокультурном окружении [17].

Нелишне напомнить, что в истории отечественной науки уже имелся примерно 15-летний опыт подобного синтеза представлений, обращенного к детскому организму. В 20-х гг. прошлого века получила признание педология как комплексная наука о росте и развитии, включающая проблемы биологического возраста ребенка (онтобиология), особенности его поведения (онтопсихология) и конституции (дифференциальная психобиология). Существование этой научной общности было насильственно прервано в июле 1936 г. специальным постановлением ЦК ВКП (б) о «лженаучности и вредности» педологии (последствия этого запрета не преодолены до сего дня). В те же годы аналогичная судьба постигла и учение о конституции человека в биологии, медицине и психологии путем длительного идеологического насилия [18].

Центростремительная тенденция в развитии научных знаний, проявившаяся в СССР в 1960-70-е гг., была обусловлена запросами жизни общества, потребностями лечебно-профилактической, воспитательно-педагогической, спортивно-тренировочной практики. Будучи приложима к человеку, она стремилась воспринимать его целостно, а вместо этого получала от существующих наук монодисциплинарные разрозненные сведения, не приведенные в единую систему знаний. Однако к началу 1980-х гг. эта дискуссия, получившая широкое и продуктивное распространение и гласность, была прервана. Почему это произошло? По мнению моего друга, соратника, организатора Международной академии интегративной антропологии и первого ее президента, член-кор. РАМН, профессора Б.А. Никитюка, попытка, исходя из концепции «биологическое - социальное», вооружить этими знаниями практическую педагогику, здравоохранение, психологию и иные сферы нашей жизни оказалась неразрешимой для того времени. Он считал, что переход на позиции нарочитого практицизма, не увенчавшийся успехом, способствовал угасанию накала теоретических споров [17].

Однако параллельное философское и методологическое осмысление биологических и примыкающих к ним наук в те же 1970-е гг. и позже существовало постоянно в плоскости обсуждения различных биомедицинских теорий, среди которых целостная концепция человека стала занимать достаточно видное место. Следует подчеркнуть, что в этом обсуждении речь не шла о создании некой совершенно новой биомедицинской парадигмы, которая стала бы доктриной, перекрывающей известные теории и концепции. Скорее, возникла потребность в определенном синтезе накопленных фактов в монодисциплинарных исследованиях, концептуальном повороте, поскольку в те годы было отчетливо видно, что прорыв в новые области знаний происходит на стыке наук. Важно отметить, что наиболее близко к этим вопросам подошел В.Ф. Сержантов [19, 20]. Он

считал, что необходима определенная общая теория биомедицинских наук. Конкретизация обсуждения в построении общей теории медицины выглядела следующим образом. Во-первых, это не должна быть особая теория рефлексивно-философского образца, которая стояла бы над общими биологическими теориями и современными научными концепциями о человеке. Определенная неудовлетворенность от такого рода биомедицинских доктрин заключается в их изначальной некой установке или свидетельстве о ложности предыдущих. Во-вторых, такая теория не должна выглядеть противопоставлением другим, поскольку такая концепция несет в себе изначально заряд насильственного внедрения. Скорее же всего, на деле в таких случаях речь всегда идет о ложности самого исходного принципа. Исходя из данного тезиса, можно предполагать, что истинной теорией медицины может быть лишь такая концепция человека, которая по возможности всесторонне охватывает различные аспекты его природы на разных иерархических уровнях организации, насколько позволяют современные знания. Далее, центральным пунктом такой концепции может выступать биологическая природа человека, так как предметом медицины является человек как живое существо. Однако всякое живое существо является единой целостной системой, которая обладает определенной биологической структурой и определенно связана с окружающей средой, социумом в самом широком смысле этого слова. Поэтому теоретический синтез, претендующий быть научной теорией медицины, должен охватывать и эти отношения, которые у человека по большей части являются культурно-историческими и социальными. Из этого момента *вытекает невозможность* обозначить такую теорию биологией человека ввиду неизбежного наличия в ней аспектов, требующих анализа с других методологических оснований и находящихся в плоскости иных научных дисциплин. По мнению этого автора, наиболее подходящим для нее наименованием было бы «антропология» [20]. Но и в данном случае следовали следующие уточнения: она должна быть отлична как от того, что фигурирует под этим названием в отечественной литературе, так и от того, что вкладывается в это понятие в западной философской и медицинской антропологии.

Все эти данные еще раз демонстрируют, что только творческие горизонтальные сообщества исследователей, преподавателей, студентов и практиков с университетской ориентацией и толерантностью, подразумевающей междисциплинарное взаимодействие, при понимании важности и самодостаточности других наук и наличии высокой специализации в своем предмете исследования могут создавать реальные прорывы на разных стыках наук. Выступая на VII съезде Российского союза ректоров вузов, который проходил 6-7 декабря 2002 г., Президент РФ В.В. Путин отметил два важных положения: «Разобщенность науки и образования, равно как и жесткое разделение науки на академическую, университетскую, корпоративную и отраслевую, препятствует получению достойного места на информационной и коммуникативной картах мира... Стимулировать естественный процесс интеграции разных уровней и организационных форм образования и науки в единый рынок знаний в интересах России» [21].

ПРЕДПОСЫЛКИ СИНТЕЗА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ НАУК: ОТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ К ИНТЕГРАЦИИ

Развитие взглядов на систему университетского образования в данном разделе, на мой взгляд, заключается в осуществлении определенного прорыва за пределы дидактических технологий и алгоритмов педагогического процесса или его особенностей в конкретных специальностях, которые достаточно широко представлены в литературе по образовательному процессу в высшей школе. Необходимо выйти на синтетический уровень обсуждения университетской «жизни», поскольку задача образования - это не только трансляция знаний, но и определенный уровень взаимоотношений преподавателя и студента, это достаточно тесные и многообразные межличностные, межгрупповые и микросоциальные отношения между ними. Это также, а может быть, и прежде всего, психическое и физическое здоровье, психология, стиль и образ жизнедеятельности и, наконец, уникальность индивидуальности и разнообразие ее биопсихотипологических основ, социально-психологических ролей и содержания личности. Иначе говоря, органическое, витальное каждого человека, его феноменальное поле, сопровождающие контекстуальные факторы и тот «поток» жизни, в котором сосуществуют и взаимодействуют участники педагогического процесса, настолько многообразны по своей экзистенции, сущности и методологии, что имеется явная необходимость развернутого и в определенной степени иного, более широкого ракурса рассмотрения. Все эти вопросы на уровне междисциплинарных объединений и столкновений различных идей могут внести неоценимый вклад в расширение представлений о формах и методах современного университетского образования, включая и экономическое сопровождение данного процесса.

Само направление, основанное на синтезе дифференцированных знаний данной области, может, прежде всего, рассматривать закономерности повторяющихся полиморфических множеств в разных классификационных системах. Также требуется многообразная концептуализация эмпирических и теоретических данных, представленных различными дисциплинами в междисциплинарных обсуждениях, включая потребителей образовательных услуг и их семейное окружение. Очевидно также, что разные подходы могут быть обобщены на уровне обобщения личного экзистенциального педагогического опыта, определенных доказательных фактических материалов, также как и разрабатываемых концепций в рамках определенных теорий и взглядов. Возникший в последние годы антропологический ренессанс во многих науках о человеке и антропоцентрическое обращение к феномену человека выражаются в попытке выработки общих подходов к его психофизическому единству, соматопсихической целостности [13; 17; 22-24]. Современные принципиальные достижения в области нейронаук и вытекающие из нее социально-психологические следствия для человека даже трудно предсказать по уровню вероятных возможностей в будущей перспективе [25, 26]. Поэтому сегодня междисциплинарный синтез университетского стиля образования может поднять обсуждение новой антропологической линии в комплексе наук о человеке на более высокий уровень.

Вечной темой, которая чаще всего разделяет, а не объединяет естественные, биомедицинские и гуманитарные науки, над которыми парит с разным уровнем чувственности, рефлексии, абстракции, синтеза, рационализма, мировосприятия и мирозерцания философия, является биосоциальная природа человека. Даже тот факт, что психические расстройства есть болезни мозга, а физическое и психическое тесно взаимосвязаны, во многих гуманитарных отраслях знания принимается с многочисленными оговорками, интерпретациями, иногда определенным мистицизмом и даже отвержением. Существующее сопротивление в принятии единства соматического и психического, скорее всего, базируется на многовековой западно-европейской философии, религии и культуре, стремящейся к разделению бессмертной души и смертного тела. Образ кентавра, метафорично представленный в глубокой древности, пожалуй, в наиболее символической форме отражает поляризацию социально-психологических и биологических подходов. Один из путей преодоления данного дуализма выражается в концепции холистической медицины, которая получила наибольшее развитие в некоторых видах психотерапии; этот путь синтезирует западное психосоматическое направление и восточный соматопсихический подход [18]. Другое направление с достаточно разработанным методом исследования и имеющее исторически антропологические корни в учении о конституции человека, представленном в биомедицинских науках, показывает устойчивые связи с природно-психическими процессами и их проекцией даже на социальные проявления стиля жизнедеятельности [13; 18; 27; 28].

Современный период исследований различных видов психологических свойств, состояний, процессов и психических расстройств характеризуется все большим отходом от линейно-детерминистских представлений об их происхождении в сторону более отчетливого понимания мультикаузальности. Социальные условия жизни не устраняют генетической разнокачественностиTM людей, возникающей по всеобщим законам хромосомной теории наследственности. Генетика поведения по своему накопленному материалу свидетельствует о том, что нет таких нервных процессов, психических и поведенческих свойств, определяющих индивидуальные и личностные вариации человеческих качеств, которые не были бы подвержены межличностному генетическому разнообразию [21]. Становится ясным, что выделение определенных направлений на стыке наук, взаимопроникновение методологических и методических подходов могут формировать пограничные области знаний, субдисциплины, способные если не изменить коренным образом существующие научные знания, то существенно уточнить их, обогатить и развить, вывести в новые системы концептуальных координат и парадигм.

Стремление к разделению демаркационной линией природной и социальной сущности человеческой индивидуальности, соотносительности разума и мозга как взаимоотношений между субъективными, психологическими и личностными конструктами, так и с объективными внеличностными состояниями мозга как органа, является практически трудноразрешимой проблемой не

только в столкновении биомедицинских и гуманитарных дисциплин, но и внутри них [10; 26].

Вряд ли можно сейчас утверждать, что социально-индустриальные, прагматические и рационалистические концепции человека в XX в., трансформировавшие представления о нем в «человеческий фактор», способствовали развитию здоровья и счастья. Также и научно-техническая революция, «рассекающая» человека на элементы, части и функции во имя прогресса и развития производительных сил, во имя блага безмянных народных масс, не принесла весомого благоденствия. И, наконец, вся философия подчеркнутого антропологизма, ориентирующая человека на свою особую значимость и заставляющая его страхнуть с себя природную, органическую сущность, чтобы водрузить на пьедестал социально-психологического каким-то высшим способом детерминированной сущности бытия, также не привела его к храму гармонического существования. Человек не стал лучше себя чувствовать в этой птолемеевской системе координат, выделенный из общей системы мироздания в качестве высшего творения, мало связанного с природой и даже в чем-то противостоящего ей. Ведь и «орлиное крыло, ставшее для нас символом всякого стремления ввысь, - это "в сущности всего лишь" передняя лапа рептилии. Также и человек - далеко не "в сущности всего лишь" обезьяна» [10. С. 226].

Совершенно очевидно, что подчеркивание и излишнее акцентирование социальной природы или божественного творения не привносят в экзистенциальное бытие человека гармоническое начало. Наоборот, наш век демонстрирует игнорирование двух древнейших мудростей, одна из которых устами дельфийского оракула призывает к познанию себя, а другая гласит: «Идущий с гордыней шагает впереди падения».

Было бы односторонностью рассматривать эту проблему как исключительно специфическую для отечественного комплекса биомедицинских и социокультурных наук о человеке. Авторитет западно-европейской философской доминанты психосоматического дуализма, особенно в своих рационалистических установках, также представляется плоскостным, утратившим традиции поиска изначальной целостности и универсальности бытия. Человеческая природная сущность всегда находилась и находится в тени светских общественных идей о его социальности или теологических системах взглядов о его божественном творении, интерпретацией грехопадения Адама в споре Пелагия и Августина о происхождении добра и зла [29], некой эволюционно остановившейся подкладкой культурно-исторического развития или фантастических догадок о ранней космической интервенции. В любом случае всегда подразумевается некая обособленная от природно-психических основ социально-психологическая, высшим способом детерминированная сущность бытия. Подобно тому как бессознательная форма мышления долгое время не принималась во внимание никакой наукой о человеке, так и биологии человека если и отводится определенная роль в его познании, то обычно более низшая, соподчиненная, рассматриваемая с многочисленными оговорками в соотношении с более выделяющими «социально-духовными» его качествами [19].

Многие ученые не раз замечали, что идеи, основанные на признании важной роли наследственности, не

пользуются особой популярностью. Весьма показательным в истории науки является эмоционально окрашенный и упрямый запрет человека более или менее позитивно рассматривать собственную историю происхождения и развития [30]. Ведь учение Ч. Дарвина не раз подвергалось нападкам и находилось под запретом! Однако парадокс заключается в том, что большинство научных достижений связаны со знанием тех или иных биологических основ проявлений человеческой жизни, а заблуждения, научные спекуляции и конъюнктура своими истоками питаются их искажением или отрицанием в угоду социально-детерминистских концепций. Они обычно вытекали из определенных философско-идеологических установок или, при их отсутствии, - эклектических смесений научных терминов и религиозных или мистических понятий. В первом случае порождаются односторонние и пропагандистски ориентированные представления о личности как субъекте социального действия, о социальной обусловленности поведения человека, о социалистическом обществе как среде личности, о классовой типизации личности, о социалистическом типе личности или идее расовой избранности, национальном превосходстве, особой миссии; во втором - квазинаучные и метафорические представления о культургенах, духовных генах, «духосфере», «духовной конституции», «духовной субстанции», «духовном нерве» и т.п. Как справедливо подчеркнуто Ю.В. Вагиным [31], биологический базис личности настолько очевиден, что ученые люди еще тысячелетия назад не спорили о экстракорпоральных блужданиях Духа, а изучали обусловленность психической деятельности человека организмическими процессами. Даже в XII столетии люди всегда знали, что повреждение головного мозга вызывает изменения в психической деятельности и приводит к душевным болезням [16].

Многолетние исследования руководимого мною коллектива показали, что вследствие тяжелых реакций на стресс и после утраты близкого человека возникают тот или иной уровень шоковых реакций с изменением вегетативных (соматических) реакций и двигательным возбуждением или торможением, изменение спектра гормонов сыворотки крови, иммунологические нарушения, которые способствуют развитию соматических заболеваний [32]. Отсюда следует, что душевные переживания влияют на мозг и вызывают в организме человека системные физические изменения. В свое время Декарту так и не удалось найти убедительное решение такой целостной системной реакции, связанной психически и физически совокупно и неразрывно [26].

Несмотря на все более мощное звучание антропологически ориентированных исследований и теоретико-методологических работ в этой области общая официальная позиция в медицине, психологии и образовании остается выжидательной или молчаливой; лишь пока у небольшого числа специалистов появляется подлинный интерес к этой проблеме. Можно отметить, что еще недавно отношение к работам, выполненным в духе антропологических идей на основе учения о конституциях человека, характеризовалось откровенной враждебностью и отвержением. Но одной из выдающихся характеристик нашего времени является то, что во многих науках, в том числе и традиционно гуманитарных, в ряде меди-

цинских университетов и академий, кафедр усовершенствования врачей, вновь организованных лицах, дополнительных образовательных курсах и факультетах центр тяжести постепенно смещается с частных на целое. Причем представители самых разных дисциплин приходят к этому абсолютно самостоятельно, как бы ощущая нехватку чего-то очень важного в своих профессиях. Антропология с проблемой учения о конституции, межиндивидуальной изменчивости вошла в

стандарты таких специальностей как общая психология, клиническая психология, социальная работа. В тоже время нельзя не отметить, что более активное движение биомедицинских наук навстречу интегративной антропологии пока еще удерживается некоторыми ее консервативными устоявшимися положениями, которые были сформированы на методологических семинарах «воинствующих материалистов» 30-х гг. прошлого века.

ИНТЕГРАТИВНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ- ВЕРОЯТНАЯ ОБЪЕДИНЯЮЩАЯ СИСТЕМА ВЗГЛЯДОВ В КОМПЛЕКСЕ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ И КОНТЕКСТЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

После распада СССР в конце 1991 г., когда под вопросом оказалось сохранение прежнего научного пространства на основе существовавших более десяти лет и хорошо себя зарекомендовавших секций антропологии ВрНОАГЭ и ВНОАГЭ, была создана Международная независимая научная ассоциация биомедицинских, клинических и спортивных антропологов (Минск, Раубичи, июнь 1992 г.). Именно тогда возникла идея создания академии, которая, по предложению автора этой статьи, получила название «интегративной» [33].

Термин «антропология» ориентирует на рассмотрение форм и факторов изменчивости человеческой индивидуальности на разных уровнях ее организации. Определение «интегративная» предполагает междисциплинарное и межсистемное рассмотрение всего многообразия фенотипических свойств индивида и личности в условиях нормы, патологии, а также различной изменчивости в социокультурном, психологическом, и педагогическом контекстах [12, 18, 33]. При таком повороте в подходе любые биологические или психосоциальные параметры, свойства или процессы при их измерении, будь то индивидуальные психофизиологические реакции, иерархии в мотивациях, определенные стереотипами поведения в их индивидуальных проявлениях, или дифференциальный, типологический и межгрупповой полиморфизм обследуемых лиц приобретают антропологическое направление в исследованиях. В науковедческом отношении правильно выбранные понятия и определения в существенной степени обуславливают направление развития тех или иных концепций. В данном случае в ходе обсуждения эти представления породили многозначность предложенного определения - принцип «тройной интеграции». Во-первых, объединение ученых, исследователей и практиков вокруг идей о целостности человеческой индивидуальности в его соматопсихическом и личностно-социокультурном выражении. Во-вторых, создание междисциплинарного союза ученых, что всегда стимулирует умы и формирует новые направления на стыках различных наук о человеке. В-третьих, в переходный период с распадом СССР и образованием новых независимых государств с их неизбежной автономизацией по национальному признаку необходимо было противопоставить этому неизбежному процессу организационную систему сохранения общего научного и интеллектуально-духовного поля. Как показало дальнейшее развитие Международной академии интегративной антропологии (МАИА), данное решение было исторически верным и сегодня после ее VI Международного конгресса МАИА может способствовать формированию

естественного поля университетских наук, ориентированных антропоцентрически на формы изменчивости человеческой индивидуальности и факторы, влияющие на эту изменчивость в биологии, медицине, психологии, педагогике, социальных науках, философии [11,22,24,21,34].

Охват проблем интегративной антропологии необычайно широк - от изучения соматопсихического единства человека до познания личностно-социокультурной целостности. Он совмещает рассмотрение особенностей личности с ее окружением в виде системы социальных и культурных влияний. Проследить соматопсихические зависимости легче (рельефнее) всего на примере отдельных психических и соматических болезней, расстройств и повреждений организма и личности. Биологически-клиническое изучение становится общей проблемой взаимоотношения между соматотипологией и психотипологией с преломлением через представления об их связи и изменчивости онтогенеза, метаболизма, реактивности и биопсихологических основах личности в конституциональных классификациях. Этим занимаются клиницисты - психиатры, специалисты в области психосоматики, поставляющие свои наблюдения для обобщения клинической антропологией. Изначально интегративна современная спортивная наука, включая ее медико-биологический раздел (спортивная биохимия, спортивная морфология, спортивная физиология и др.). В университетской системе развитие антропологии здоровья должно конфронтировать своими исследованиями по психофизиологической адаптации студенческой молодежи со стандартами падающих на них информационных нагрузок на уровне конституционно-типологических различий. Она может использовать комплексные знания о психофизиологическом, двигательном потенциале человека для совершенствования его соревновательных возможностей.

Изначально интегративна любая область медицинских клинических наук, где на смену локально-изоляционистским подходам к выяснению причин и механизмов развития заболеваний пришел целостный, видящий в конкретной болезни результат поражения всего организма. Начато развитие педагогической антропологии, которое историческими корнями уходит к таким знаковым фигурам, как Ян Амос Коменский, который еще в XVII в. выражал недоумение по поводу воспитателей, не уделяющих внимание изучению объекта своих воздействий, тогда как любой ремесленник озабочен совершенствованием своего труда через выяснения свойств качества своего предмета творения. Спустя 200 лет К.Д. Ушинский ввел термин «педагогическая антропология», подчеркивая важность для пе-

дагога психобиологического знания. Этим понятием также широко пользовался П.Ф. Лесгафт [35]. Выде-

ляются также новые аспекты биосоциальной и социальной антропологии [20].

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ

Несмотря на пролонгированное состояние кризисного положения в обществе, можно наблюдать множество важных признаков, генерирующих идеи единого университетского образования [36]. Вне принципов историзма и преемственности не могло бы быть начато обсуждение университетской среды образования и истинного прогресса науки. При обращении взгляда в прошлое, в тот социокультурный ресурс лучших представителей образования и науки, яснее становится настоящее, в котором скрыт истинный смысл научных контуров будущего. В этом отношении необходимо четко отдавать себе отчет в том, что традиции российских университетских школ построены на гуманистическом фундаменте и овеяны его романтизмом. Они всегда имели высокий уровень синтеза, культурной образованности и холистическую направленность в силу его универсального характера, что особенно требовалось на необъятных просторах нашего отечества. Эти традиции представляют собой сочетание таких психологических качеств, как глубокое оригинальное мышление, высокое нравственно-этическое чувство, неистощимое трудолюбие и утонченное врачебное искусство, которые всегда были развернуты на благо и потребности страдающих недугами. Носителями этих качеств являются М.Я. Мудров, Н.И. Пирогов, С.П. Боткин, Г.А. Захарьин, А.А. Остроумов, Н.В. Склифосовский, В.Х. Кандинский, А.Я. Кожевников, С.С. Корсаков и др. Последнего еще при жизни считали нравственным гением. Выдающиеся отечественные естествоиспытатели, морфологи и физиологи, генетики и биологи И.И. Мечников, А.И. Опарин, А.О. Ковалевский, И.М. Сеченов, В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, И.И. Шмальгаузен, П.К. Анохин, Н.К. Кольцов, Н.И. Вавилов, С.С. Чет-

вериков, С.Н. Давиденков, В.П. Эфроимсон и многие другие были, несомненно, носителями целостного антропологического взгляда на единство человеческого и природного. Такая естественная позиция определялась внутренней необходимостью постоянного самоосознания себя природой, представлениями об органической включенности человека во всеохватывающее мироздание жизни и сознания, осознания себя частью вселенского масштаба, где в каждом ее элементе отражены и свойства целого. Эта отличительная черта лучших форм проявления идей русского космизма отечественной демократической интеллигенции своими корнями питалась и нашла отражение в философской мысли Н.Ф. Федорова, А.В. Сухова-Кобылина, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, В.В. Зеньковского, О. Мильчевского; в научной мысли у М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, К.Э. Циолковского, Н.А. Умова, В.И. Вернадского, В.Ф. Купревича, А.Л. Чижевского; в культуре у Е.И. и Н.К. Рерихов; в литературе у Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Именно данные идеи отличаются высоким нравственно-этическим накалом, своей сопричастностью к жизни, науке и культуре в планетарном масштабе, зрелым чувством гражданского долга, альтруистическим обращением к судьбе и страданию конкретного обычного человека со всеми его достоинствами и недостатками [13]. Они составляют неуничтожимую сущность всепроникающего и постоянно возрождающегося духовного наследия отечественных научных школ и направлений. Представляется, что вклад томских университетских ученых в контексте таких интегративно-антропологических подходов требуется проанализировать отдельно, поскольку он был представлен достаточно мощно в различных дисциплинах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, интегративность не есть нечто, навязанное насильственно извне антропологии, медицине, психологии, спортивной науке и пр. Она имманентно присутствует в каждой области знания как философский стержень, методологическая основа. Активное выявление интегративного начала необходимо для сохранения общих ориентиров при неминуемом и оправданном во многих случаях «соскальзывании» специалистов на решение частных задач конкретной науки. Необходимо, чтобы не потерять видение того леса, который может оказаться неразличимым за составляющими его деревьями. Необходимо для предупреждения дробления знания на части и обособления друг от друга носителей этих частных знаний. Необходимо для совершенствования человеческих практик во всем многообразии, ибо залогом их успешности сегодня должна послужить парадигма «человека целостного».

Не исключено, что развитие и формирование данной парадигмы, выраженной в понятии «интегративная антропология», интимно связанной со всеми науками о человеке, сыграют важную роль в интеграции университетской системы образования в России. Но это

случится только тогда, когда эти науки будут апеллировать к целостности, уникальности, индивидуальности и вместе с тем разнообразию и пониманию, что нормы изменчивости соматопсихической и психофизиологической адаптации определены нормой генетической реакции, которая смотрит на нас красотой, типом и пропорциями строения тела конкретного человека как его высшей формы фенотипической организации. Учение об изменчивости строения тела в связи с его функционированием на всех уровнях проявлений человеческой индивидуальности должно быть под пристальным вниманием различных наук, а не только трупной анатомии, морфологии, общей антропологии и прикладной антропометрии и морфометрии. С моей точки зрения, интегративная антропология может, по крайней мере, своим сбалансированным и широким подходом послужить основой для качественно более мощного методического толчка в сторону широкого демократического с разделенной ответственностью между участниками образовательного процесса для возрождения общей университетской системы в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнетов Н.А. Связать порубленные корни. Отечественная психиатрия: прошлое настоящее и будущее//Витас. 1991. № 1. С. 4-5; № 2. С. 6-7.

2. Бюллетень НКП. 1930. № 4. С. 22.
3. Музрукова Е.Б., Чеснокова Л.В. Советская биология в 30-40-е годы: кризис в условиях тоталитарной системы // Репрессивная наука. Вып. 11 / Под общ. ред. М.Г. Ярошевского. Ред.-сост. А.И. Мелуа. СПб.: Наука, 1994. С. 45-56.
4. Иванов-Смоленский А.Г. Вступительное слово // Физиологическое учение академика И.П. Павлова в психиатрии и невропатологии: Матер., стенографического отчета. М.: Медгиз, 1952. С. 5-9.
5. Давыдовский И.В. Методологические основы патологии // Вопросы философии. 1968. № 5. С. 93-94.
6. Давыдовский И.В. Общая патология человека. М.: Медицина, 1969. 2-е изд-е. С. 3.
7. Александер Ф.А. Психосоматическая медицина. Принципы и практическое применение. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 352 с.
8. Сонин В.А., Шлионский Л.М. Классики мировой психологии: Библиографический энциклопедический словарь. СПб., 2001. 288 с.
9. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1053 с.
10. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 254 с.
11. Корнетов Н.А. Интегративная антропология: от медицины к философии // Новые идеи в философии. Пермь, 1997. Вып. 6. С. 32-41.
12. Кузин В.В., Никитюк Б.А. Очерки теории и истории интегративной антропологии. М.: Фон, 1995. 174 с.
13. Корнетов Н.А. Клиническая антропология: от дифференциации к интеграции медицины (Передовая) // Сибирский медицинский журнал 1976. №3. С. 5-13.
14. Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма // Новый мир. 1971. № 10. С. 158-166.
15. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем // Принципы организации функций. М.: Наука, 1972. С. 5-61.
16. Симонов П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций. М.: Наука, 1970. 141 с.
17. Никитюк Б.А. Философская антропология в прошлом и настоящем // Три точки зрения на философскую антропологию. Севастополь: Изд-во СевГТУ, 1996. С. 4-43.
18. Никитюк Б.А., Корнетов Н.А. Интегративная биомедицинская антропология. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 182 с.
19. Сержантов В.Ф. Некоторые проблемы антропологии и научное наследие С.Н. Давиденкова // Проблемы клинической неврогенетики. Л., 1967. С. 91-93.
20. Сержантов В.Ф. Введение в методологию современной биологии. Л.: Наука, 1972. 281 с.
21. Бюллетень Минобразования РФ. М., 2003. № 1. С. 11.
22. Гуревич П.С. Антропологический ренессанс // Феномен человека: Антология. М.: Высш. школа, 1993. С. 3-23.
23. Никитюк Б.А. Интегративная антропология - состояние, проблемы, перспективы // Рос. морфол. ведомости. Новости интегр. антропол. 1994. №3. С. 4-10.
24. Петров Ю.В. Антропологический образ философии // Философия человека. Томск: Изд-во НТЛ, 2002. С. 451-797.
25. Беляев Д.К. Генетика, общество, личность // Коммунист, 1987. Т. 2. № 7. С. 90-97.
26. Kendler K.S. A Psychiatric Dialogue on the Mind-Body Problem // Amer. J. Psych. 2001. Vol. 158. P. 989-1000.
27. Кузин В.В., Никитюк Б.А. Интегративная педагогическая антропология. М.: Физкультура, образование и наука, 1996. 178 с.
28. Кузин В.В., Никитюк Б.А. Интегративная биосоциальная антропология. М.: Фон, 1996. 186 с.
29. Фром Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. 415 с.
30. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»): Пер. с нем. М.: Прогресс, 1994. 272 с.
31. Вагин Ю.Р. Креативные и примитивные. Пермь: Перм. Госмедакадемия, 1996. 208 с.
32. Корнетов Н.А. Психогенные депрессии (клиника, патогенез). Томск: Изд-во ТГУ, 1993. 238 с.
33. Колесников Л.Л., Корнетов Н.А., Никитюк Б.А. Интеграция наук о человеке (интегративная антропология) и роль в ней антропологических подходов // Рос. морфол. ведомости. М., 1993. № 2-3-4. С. 11-12.
34. Корнетов Н.А., Никитюк Б.А. О возможных путях развития отечественной психологической антропологии // Актуальные вопросы психиатрии и наркологии. Новосибирск, 1995. Вып. 2. С. 25-28.
35. Кузин В.В., Никитюк Б.А. Экология души (о значимости душисозидательного воспитания) // Физическая культура. 1997. № 1. С. 2-8.
36. Корнетов Н.А. Кризис общественного сознания // Современные образовательные стратегии и духовное развитие личности: Матер. Всерос. научн. конф. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. Ч. 1. С. 6-10.